

ШЕСТАКОВ Вячеслав Павлович / Vyacheslav SHESTAKOV

| Утопия как проблема российской ментальности |

ШЕСТАКОВ Вячеслав Павлович / Vyacheslav SHESTAKOV

Россия, Москва.
Российский институт культурологии. Сектор теории искусства.
Доктор философских наук, профессор.Russia, Moscow.
Russian Institute for Cultural Research.
PhD, professor.vpshestakov@migmail.ru

УТОПИЯ КАК ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

В настоящей статье дается краткий обзор русских утопий, определяется их связь с русской ментальностью. В связи с этим в статье рассматривается типология утопий, дается обзор отечественных и зарубежных работ, посвященных этой теме. Методологическим ключом служит различение утопий, как литературного и культурного феномена, от утопизма, свойственного многим социальным, политическим или религиозным учениям.

Ключевые слова: ментальность, типология, утопизм, «золотой век», урбанизм

Utopia as a Problem of Russian Mentality

This article includes a short overview of the history of Russian utopias, and their connection with Russian social events and mentality. The key issue is reflected in a statement about differences between utopia — as a cultural and literary phenomenon, and utopianism — which is a feature of many social, political and religious doctrines.

Key words: mentality, typology, utopianism, the "golden age", urbanism

Совершенно очевидно, что сегодня мы переживаем ренессанс русских утопий и русского утопизма, который в прошлом совершенно игнорировался западными исследователями. Характерно, что сто лет назад существовало представление, что в России вообще не существовало утопий, или же они занимали ничтожное место в мировой литературе. Это представление довольно отчетливо выразил польский автор А. Свентоховский. В своей книге «История утопий» он писал: «Утопии неравномерно распределялись по эпохам и нациям. Больше всего их произвели французы, затем англичане, затем немцы и итальянцы, а у славян можно отыскать только слабые зародыши их»¹. История показала совершенную некорректность подобного рода суждений, их историческую и теоретическую несостоятельность.

Конечно, о роли утопического элемента в национальном мышлении можно судить по количеству утопических произведений. В прошлом в России были известны буквально несколько произведений утопического характера. Тому были причины цензурного и идеологического характера. Но даже современные зарубежные издания русских утопий ограничиваются тремя-четырьмя произведениями. На самом деле, список русских утопических произведений, написанных в течение XVIII — середине XX века, насчитывает более 50 произведений. Но дело не только в количестве утопий, но и в их качестве. Большинство выдающихся современных утопических авторов на Западе, таких, как Оруэлл или Хаксли, находились под сильным влиянием русских утопий.

Несомненно, этот феномен нуждается в объяснении.

Нельзя не обратить внимание на то, что за последние десятилетия и у нас, и за рубежом написано огромное количество исследований, посвященных русским утопиям. Эти исследования могут дать ответы на многие вопросы, стоящие перед современной Россией, и в частности, понять отношения России и Европы, проанализировать структуру российского видения будущего, его прогностический смысл, обсудить вопрос о месте России в истории и ее возможные ответы на вызовы будущего.

Но прежде чем исследовать феномен русской утопии, необходимо уточнить некоторые понятия и определения. В современной научной литературе понятие «утопия» часто употребляется в самых различных смыслах, в разном понятийном контексте. Даже в специальных работах, посвященных определению утопии, мы не найдем какого-либо определенного и однозначного истолкования этого понятия. Напротив, здесь существует довольно пестрая мозаика различных представлений. Одни видят в утопии извечную, никогда недостижимую мечту человечества о «золотом веке», другие, напротив, истолковывают ее в качестве реального принципа, который осуществляется с каждым новым шагом духовного развития человечества. Некоторые видят в ней донаучную форму мышления, нечто среднее между религией и наукой, другие, напротив, связывают ее с развитием современного научного знания, футурологией, например. Одни утверждают, что утопия «мертва», что она полностью изжита развитием истории, другие же говорят о бурном возрождении утопического сознания. Поэтому для того, чтобы

¹ Свентоховский А. История утопий. М. 1910. С. 420.

ШЕСТАКОВ Вячеслав Павлович / Vyacheslav SHESTAKOV

| Утопия как проблема российской ментальности |

уточнить значение этого понятия, было бы полезно вспомнить терминологическое значение слова «утопия».

Известно, что термин «утопия» ведет свое происхождение от греческого «οὐ» — нет и «τόπος» — место, буквально: место, которого нет. Такого было первоначальное значение термина «утопия», как его впервые употребил Томас Мор.

Другое истолкование этого слова идет от греческого «εὖ — лучший, совершенный и — «τόπος», т. е. совершенное место, благословенная страна.. Оба эти истолкования широко используются в мировой литературе, например, «Вести ниоткуда» Уильяма Морриса, страна «Эриуон» (перевернутое слово Nowhere) Сэмюэля Батлера, «прекрасный новый мир» Олдоса Хаксли и т. д.

В современной литературе существуют и другие модификация термина «утопия», произведенные от первоначального корня. Это — «дистопия» от греческого «дис» — плохой и «тоπος» — место, т. е. плохое место, нечто противоположное смыслу утопии, как лучшему, совершенному миру. В XX веке широкое распространение получили такие термины как «негативная утопия», «анти-утопия», характеризующие новый тип утопий, как нежеланного, худшего будущего. Такие утопии приобретают новую социальную функцию — функцию предупреждения. Кроме того выдвигаются различные типы классификации утопий в зависимости от предмета их изображений: политические, технократические, аграрные и т. д.

Необходимо еще одно терминологическое уточнение, связанное с различием терминов «утопия» и «утопизм». Очень часто под утопизмом понимается все нереальное, неосуществимое, несбыточное. Это, на наш взгляд, ограниченное понимание, некоторые авторы переносят на утопию. В результате утопия, понимаемая как утопизм, подвергается значительному упрощению и тривиализации. С этой точки зрения, вся европейская культура оказывается той или иной формой утопизма. Утопична прежде всего вся художественная литература, и в этом смысле некоторые не видят различия между Библией и «Капиталом» Маркса. Утопичны религия, искусство, политика, ведь в них содержится огромный процент принципиально нереализуемых идей.

На самом деле между утопией и утопизмом есть существенные различия. Утопия всегда была формой социальной мысли, утопизм далеко не всегда социален. Утопии, как показывает история, часто реализуются. Как писал Оскар Уайльд в эссе «Судьба человека при социализме», «карта мира, на которой не найдется места для утопии не стоит даже того, чтобы на нее смотрели. Это единственная страна, подходящая для человечества. А когда человечество обоснуется в ней, оно будет искать лучшего и если найдет, опять отправится в путь. Прогресс — это реализация утопий»².

Утопизм потому и является утопизмом, что он нереализуем. Утопия всегда несет в себе определенный проект, определенный образ будущего, утопизм, как нечто нереальное, с образом будущего может быть и не связан. Если В. Жариновский мечтает о том, чтобы омыть свои грязные сапоги в Индийском океане — это типичный пример утопизма, но к утопии эта бредовая мысль нашего популярного политического шоумена не имеет

никакого отношения. Поэтому понимание утопии как утопизма следует считать слишком расширительным и упрощающим понятие утопии.

Таким образом, при всем многообразии смысловых оттенков основная функция утопии сводится к тому, чтобы обозначить желаемое будущее (или предупредить о нежеланном будущем), описать вымышленные страны, служащие образцом общественного и государственного устройства. Это помогает определить смысл самого понятия «утопия».

Как жанр художественной и философско-социальной литературы утопия — это европейский феномен. Многообразный утопический мир Востока не знает утопии. Он полон утопизма, но лишен утопии. Генетически утопия связана с городом, а точнее с европейским городом. Утопии Мора и Кампанеллы — это городские утопии, утопии, рожденные на площадях и проспектах новых европейских городов. Для Востока город — это не социальная структура, а скорее базар, место, где можно быстро и эффективно продать или купить что-либо. Европейский город с четкой социальной структурой чужд Востоку, его утопизм не в урбанической социальности с ее демократическими социальными институтами, а в базарной синкретичности, основанной на диалоге покупателя и продавца, поглощаемом многоголосием толпы. Китайские, индийские, арабские или японские утопии, которыми сегодня так увлекаются многие любители ориентализма, не имеют ничего общего с европейской утопией и называются утопиями лишь по созвучию, по схожести, за которыми стоит абсолютная чуждость и антагонизм. Впрочем, именно поэтому сравнение европейского и восточного утопизма представляет большой интерес.

В истории утопий принято делить их на три типа: древние, классические и современные. К *древним утопиям* обычно относят мечты о «золотом веке», которые встречаются уже у Платона, описания «островов блаженства», различные религиозные образы и верования, связанные со спасением человечества в божественной ипостаси. Утопический элемент чрезвычайно силен в христианстве, он связан с представлением о рае, грядущем эсхатологическом воскресении человеческих душ и т. д. Особенный рост утопизма внутри христианства возникает в Средние века в связи с появлением различного рода ересей, которые требовали реформировать церковь и добиться идеи социального равенства. Не случайно религиозный философ Томас Мольнар называл утопию «вечной ересью»³. Плодотворным источником утопизма в Средние века были и народные представления о фантастических странах, где, как, например, в стране Кокейн, труд легок, а жизнь радостна для всех. Эти представления содержались в народных преданиях и легендах, как в Западной Европе, так и в России⁴. Но древние представления о райской жизни, фантазии об идеальных странах, мессианистические идеи о пришествии царства Божия, хотя и содержат утопический элемент, но не являются утопиями.

Древний утопизм завершается в эпоху Возрождения, в это время возникают *классические утопии*, такие как «Утопия» Мора, «Город Солнца» Кампанеллы, «Христианополис» Андреа, «Новая Атлантида» Френсиса Бэкона. Возникновению класси-

³ Molnar T. Utopia: The Perennial Heresy. New York, 1972.

⁴ См. Чистов А.И. Русские народные социально-утопические легенды. М.: «Наука», 1967.

² Уайльд О. Сочинения. В 3-х т., М., 2000. Т. 3. С. 233.

РУССКАЯ УТОПИЯ / RUSSIAN UTOPIA

ШЕСТАКОВ Вячеслав Павлович / Vyacheslav SHESTAKOV

| Утопия как проблема российской ментальности |

ческих утопий способствовали два главных исторических фактора. Во-первых, великие мировые открытия, которые привели к обнаружению новых, до тех пор неизвестных в Европе земель. И, во-вторых, появлению новых форм светского секуляризованного знания, выходящего за пределы библейской концепции происхождения мира и учения о предопределении человеческой судьбы. Ренессансные утопии были новым жанром литературы, это продукт нового времени, нового мышления. Все они по своему характеру были языческими, знаменовали разрушение христианского сознания и появление секуляризованного мышления, открывающего возможности нового идеального мира, устроенного не божественным проведением, а самими людьми. Классические утопии воплощали идею открытия нового, убеждение о возможности лучшей и совершенной жизни. Именно это объясняет ту огромную популярность, который этот жанр получает в XVII–XVIII веках.

Начиная с XX века, бурное развитие утопической литературы порождает так называемые *современные утопии*. В них преобладают представления об альтернативном будущем человечества, наряду с позитивными утопиями появляются негативные утопии, которые описывают не только желаемое, но и нежелаемое будущее, предупреждая об опасностях бесконтрольного технического и научного прогресса. Современные утопии существенно отличаются как от древних, так и от классических. В них образ будущего не идеализируется, а скорее критикуется, пародируется. Как отмечает английский критик Чэд Уолш в своей книге «От утопии к кошмару», в современных утопиях «все убывающий процент воображаемого мира — это утопии, все растущий его процент — кошмары. Антиутопия, или перевернутая утопия, была в XIX веке незначительным обрамлением утопической продукции. Сегодня она стала доминирующим типом, если уже не сделалась статистически преобладающей»⁵.

Современная утопия оказывается близкой к научной фантастике, поскольку она часто обращается к фантазии и воображению. Вместе с тем, существует определенная грань между научно-фантастическим изображением будущего, основанного на прогрессе науки и техники, от утопий, которые хотя и сохраняют художественную форму, ближе стоят к философскому или социологическому изображению будущего.

Несмотря на то, что в наше время особое внимание уделяется научному планированию или футурологическим прогнозам, количество утопических произведений в мире не уменьшается, а растет. Каталог мировых утопий за период с XVI по XIX век насчитывает около тысячи названий. И позднее утопические произведения не сходят на нет. Например, в Англии в первой половине XX века появилось около 300 утопий, в США только за период с 1887 по 1900 год написаны 50 утопий. Утопии — популярный жанр мировой литературы.

Русская литература не является исключением из общего хода мировой литературы. В ее истории существует довольно прочная традиция утопической мысли. Причем авторами утопий в России были наиболее крупные писатели, такие как Щербатов, Сумароков, Радищев, Одоевский, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Чаянов, Шарапов. Но судьба русских утопических

писателей чаще всего была трагической, о чем свидетельствует биография Радищева. Поэтому принадлежность к утопиям приходилось скрывать, маскироваться под научную и ненаучную фантастику. Многие русские утопии назывались «снами», безответственными фантазиями.

В советское время издавались утопии, близкие по своему характеру к социалистическим или коммунистическим идеалам. Публиковались только работы по утопическому социализму, который, как известно, был одним из источников марксизма, и всевозможные народные легенды и предания о лучшей жизни, которые возводились, без всякого достаточного на то основания, в ранг утопий. Остальные произведения оказывались в тени и даже под запретом, поскольку они далеко не всегда ориентировались на социализм или коммунизм. Поэтому на русском языке до сих пор нет ни одной обстоятельной истории утопий, если не считать устаревших переводных изданий. Однако постепенно утопическая литература становилась достоянием публики. Этому во многом способствовало издание антологий русских утопий⁶. За последние годы интерес к этой тематике не угас, напротив, вырос, о чем свидетельствует большое количество работ, издающихся в наше время по проблемам утопий.

Прежде всего, поражает география утопических исследований. Они включают в себя не только Европу, где родилась утопия как жанр философской и социальной литературы, но и страны Востока, США, Латинской Америки⁷. Что касается России, то и здесь появилась серия публикаций, расширяющих наши представления о природе и характере утопической ментальности в России⁸.

Следует отметить, что изучение русских утопий, по сути дела, только начинается. Здесь перед исследователями лежит большое поле деятельности. Еще недостаточно хорошо изучены те авторы русских утопий, тексты которых сравнительно недавно стали доступны читателям. Большинство работ, посвященных этим утопическим произведениям, представляют их простой пересказ и носят описательный характер. Примером может служить книга Б. Ф. Егорова «Русские утопии». Весь ее текст — пересказ утопий, тогда как теоретическая и аналити-

⁶ Русская литературная утопия. / Предисловие и составление В. П. Шестакова. М, Изд-во МГУ, 1986; Утопия и антиутопия XX века. / Предисловие и составление В. П. Шестакова. М., «Прогресс», 1990.; Русская утопия. / Составитель В. Е. Багно. СПб, 1995.

⁷ Ушков А. В. Утопическая мысль в странах Востока: Традиция и современность. Л. 1982; Баталов Э. Я. Утопия и утопическое сознание в США. М., 1982; Паниотова Т. С. Утопия в пространстве диалога культур. — Ростов/на Дону. 2004; Китайские социальные утопии. М. 1987.

⁸ Гальцева Р. А. Очерки русской утопической мысли XX века. М. 1991; Фролова И. В. Генезис русского утопического сознания и пути реализации русских утопий. Уфа, 1995; Сулов М. Д. С. Ф. Шарапов и Г. М. Шиманов. Две социально-политические утопии в эпоху заката империи // Консерватизм на Западе и в России. Пермь, 2005. С. 113–1354; Шестаков В. П. Эсхатология и утопия. Очерки русской философии и культуры. М., 1995; Shestakov V. P. Politics and Utopia: Russian Utopian Novels late XIXth-early XXth Centuries. // International Symposium, European University, Florence. 18–19 October, 2007; Егоров Б. Российские утопии. Исторический путеводитель. СПб. 2007; Геллер Л., Нике М. Утопия в России. / Пер. с франц. СПб, 2003; Мильдон В. Санскрит во льдах, или возвращение в Офир. Очерк русской литературной утопии и утопического сознания. М., РОСПЭН, 2006.

⁵ Walsh Ch. From Utopia to Nightmare. London. 1962. P.14.

РУССКАЯ УТОПИЯ / RUSSIAN UTOPIA

ШЕСТАКОВ Вячеслав Павлович / Vyacheslav SHESTAKOV

| Утопия как проблема российской ментальности |

ческая часть ее слаба и, порой, откровенно наивна. Например, классификация утопий на массовые и личные, теоретические и практические, чудесные и трудовые, автономные и агрессивные лишена всякого научного критерия. В книге много лишнего, не имеющего отношения к утопиям, и вместе с тем отсутствует анализ серьезных утопических произведений. Книга носит подзаголовок «Исторический путеводитель», но существуют опасения, что этот путеводитель может привести в тупик. В современных работах об утопиях недостаточно пересказывать их сюжет. К этому не сводится роль истории литературы как научной дисциплины. Необходим структурный анализ этих произведений, их сравнительно-типологическое исследование, изучение их связи с философскими и социальными течениями эпохи.

Гораздо больший интерес представляет попытка белорусского филолога М.И. Шадурского охарактеризовать жанровую и семантическую структуру утопий, хотя автор делает это на материале западных, а не отечественных произведений⁹.

Очевидно, следует рассматривать утопию в системе ведущих социальных и философских течений эпохи. Эти течения, с различными модификациями, продолжают функционировать в основе социальных и политических проектов, осуществляемых современной политической элитой России. В соответствии с этим необходима классификация и социально-философский анализ утопических произведений.

Характерно, что сегодня русские утопии становятся предметом пристального изучения на Западе. Россия для Европы всегда была страной загадочной, мистической, с неопределимым будущим. Даже такой прагматический политик, как Уинстон Черчилль, после многих лет общения с российскими политиками, вынужден был назвать Россию загадочной страной, используя для этого лингвистическую триаду. По его словам, «*Russia is a riddle wrapped in a mystery inside an enigma*» (Россия — это загадка, завернутая в тайну и погруженная в мистику¹⁰). Быть

⁹ Шадурский М. И. Литературная утопия от Мора до Хаксли: проблемы жанровой поэтики и семиосферы. М., 2007.

может, в этом определении отражается не только неопределенность судеб России, но и динамизм ее истории, частая смена социальных, политических и интеллектуальных ориентаций. Именно этот контекст превалирует во многих западных работах, посвященных утопиям Евгения Замятина, Александра Богданова, Николая Федорова и др.¹⁰ Все это свидетельствует о существенном изменении отношения к русской утопической мысли, которая признается важным источником изучения русской ментальности и истории социально-политической мысли.

В настоящем издании, подготовленном сектором теории искусства Института культурологи, предпринимается опыт сравнения отечественных и зарубежных утопий. Текстологический и исторический анализ показывает, что русские утопии внесли существенный вклад в развитие современных утопий. Приводимые нами статьи зарубежных авторов подтверждают этот факт. Мы надеемся, что диалог отечественных и зарубежных авторов о русских литературных и социальных утопиях покажет значение русского вклада в мировую утопическую мысль.

¹⁰ Baehr S. 'Re-Searching Utopia' // The Slavic and East European Journal, vol. 42, no. 3. Autumn 1998, P. 517; Baehr, S. L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Stanford, 1991; Besançon, A. 'Fonction du rêve dans le roman russe' // Cahiers du monde russe et soviétique, Vol. 9, no. 3, 1968. Breuillard, J. 'Fragments d'utopies dans la littérature russe du XVIIIe siècle : Levšín et Xeraskov' // Rev. Etud. slaves, LVI/1, 1984. Clowes, E. W., Russian Experimental Fiction: Resisting Ideology after Utopia. — Princeton, 1934. Cooke, B., Human Nature in Utopia: Zamyatin's 'We' // Evanston, IL, 2002. Faggionato, R., A Rosicrucian Utopia in Eighteenth-Century Russia. The Masonic Circle of N. I. Novikov. Dordrecht, The Netherlands, 2005. Heller, L. et M. Niqueux, Histoire de l'utopie en Russie. Paris, 1995. Lukashovich, S. N. F. Fedorov (1828–1903). A Study in Russian Euphychian and Utopian Thought. — Cranbury, NJ, 1977. Monnier, A. 'Une utopie russe au siècle de Catherine' // Cahiers du monde russe et soviétique, 22/2, 1982. Paperno, I., Creating Life: The Aesthetic Utopia of Russian Modernism. Stanford, 1994. Stites, R., 'Fantasy and Revolution. Alexander Bogdanov and the Origins of Bolshevik Science Fiction' // Alexander Bogdanov, Red Star: The First Bolshevik Utopia, Bloomington, 1984. Stites, R., Revolutionary Dreams, Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution, New York, 1989; Suvin, D., "The Utopian Tradition of Russian Science-Fiction" // The Modern Language Review, Vol. 66, No. 1 (Jan. 1971).

